

ны того смешения народов, которое было присуще космополитическому византийству. Ведь афинский народ еще в римскую эпоху слыл за смесь разных народностей; потому-то К. Пизон и порицал человеколюбивого Германика, когда тот слишком мягко отнесся к афинянам¹

Сила, которую проявила Романская империя в осуществлении гигантской задачи ассимиляции составных своих элементов негреческого происхождения, поистине изумительна, и в этом отношении Константинополь отнюдь не уступает Древнему Риму. В центр великого космополитического государственного организма приливали соки из всех провинций, обновляя его и оживляя своей молодостью. Славянские, персидские, сарацинские элементы, начиная с Юстиниана, вводились в войско, управление, церковь, аристократию и даже в самый императорский дворец, где и самый трон занимали армяне, исаврияне, пафлагонцы, иллирийцы и славяне. Словно из огромного плавильного тигля вся смесь народов выходила, словно сплав, объединенной в византийцев. Единственно постоянному переплавлению грубых, чужестранных элементов и было государство Константина обязано своим непреходящим существованием. Но это непрестанное восприятие чуждых элементов в государственный организм и постоянное его соприкосновение с варварами привило к самому государственному организму варварские черты. Дикая жестокость уголовного правосудия, ослепления и изуродования, хозяйничание евнухов, ужасные придворные интриги и т. п. — все это является единичными показателями одичания византийства и обуславливается притоком славянских и азиатских элементов.

Процесс претворения отдельных народностей в ромейское царство, однако же, не удавался столь полно, как это наблюдается на романцах на Западе. Славянские народы целыми группами сопротивлялись влиянию византинизма. Сербы и болгары отстаивали свою самобытность, создав национальные государства, но эти по-

¹ В византийскую эпоху это смешение должно было идти непрестанно и неудержимо. Даже сам аттический язык казался византийским ученым XV в. каким-то варварским наречием.